

Турдалиева Ч.Дж.

**СТЕРЕОТИПЫ И ОБРАЗЫ О КЫРГЫЗАХ
В КОНТЕКСТЕ ИДЕОЛОГИИ НАСИЛИЯ В ТРУДАХ ЗАПАДНЫХ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ (XIX-НАЧАЛА XX ВВ.)**

Комплекс созданных стереотипов и образов о кыргызах является символическим и психологическим насилием в описании западных путешественников о кыргызах и Кыргызстане. Если, этнотермины "дикакокаменный" и "черный" кыргыз, заимствованные из российских источников были легко инвестированы в западную литературу изучаемого периода, то стереотипы и образы о физическом и морально-психологическом облике кыргызов выступали собственным продуктом и креативом западных путешественников. Т.е., эпитеты в отношении физического облика собственно кыргызов: "Дикий", "Ужасный", "Безобразный", а также его морально-психологического портрета: "Ленивый", "Хитрый", "Нечестный" часто встречаются в лексиконе западных путешественников.

Эти образы условно можно классифицировать на: межэтнические, внутриэтнические и гендерные. Межэтнические образы и стереотипы возникали при сравнении кыргызов с другими этносами: с кочевыми казахами и оседло-земледельческими народами Центральной Азии. Сравнивая кыргызов с казахами некоторые путешественники идентифицировали их как племена одного народа, а в физическом облике сходственными с монголами. Э.Хантингтон будучи среди "чанто", т.е., мусульманского населения проживающего в Турфанском оазисе отмечал, что они за трапезой менее шумны, чем кыргызы. Путешественники также сравнивали кыргызов между собой. "Эти кыргызы являлись кочевыми обитателями возвышенности Килиан, в окрестностях Санжу и первоначально прибыли из Сарыкола. Проводники с новым транспортом отличались от ленивых и независимых кыргызов. Они были изобретательны в своем чрезмерном желании помочь, и в большинстве случаев стремились понять, каким образом они могут быть полезны". Вероятно, под независимыми кыргызами Т.Гордон имел ввиду кыргызские племена Восточного Памира, которые в период его путешествия в 1873 году в Кашгар находились в номинальной зависимости от Кокандского ханства. У Э.Хантингтона кыргызы отличались тем, что одни проживали в горной местности и они были более

открыты, а другие расселялись близ больших торговых дорог, и вовлеченные в торгово-обменные операции, имели склонность быть нечестными и эгоистичными.

Обратившись к Э.Хантингтону, находим иерархию характеристик о кыргызах. Его образы характеризуется гендерной стереотипизацией. Как он считал, номадизм являлся непродуктивным и неизменчивым во времени хозяйственным занятием, в котором труд женщины гораздо очевидней, чем мужской. Мужчины весь день то и делают, как ездят верхом из одного селения в другой, передавая новости и встречаясь с родственниками, а кыргызка ухаживает за скотом, смотрит за домом и детьми, не закрываясь и не пряча лица. Подобные взгляды присутствуют у других путешественников, которые в совокупности конструировали ошибочные стереотипы и образы о кыргызской женщине и ее положении в обществе. Остановимся на них несколько подробнее.

Стереотип независимости. У английского путешественника Ирла Данмора есть такое наблюдение. "Кыргызы обращаются со своими женщинами очень хорошо и с большим отличием, чем другие мусульманские племена. Их жены определенно не имеют плохого обращения, имеют отличную свободу действий и никогда не закрывались". Рукоприкладство в кыргызской семье было распространенным явлением, и в определенной степени оно поддерживалось пережитками религиозных представлений кыргызов, в частности и шаманством.

По мнению путешественников, открытость лица адекватное независимости и равноправию кыргызской женщины, являлось следствием относительно слабого влияния ислама на брачно-семейные институты в кыргызском обществе. Другим веским и очевидным аргументом в составлении образа независимой кыргызки явилось отсутствие мусульманской практики и культуры сокрытия лица покрывалом: хиджабом. Безусловно, за короткие сроки пребывания в кыргызских кочевьях, трудно было заметить грубое отношение к женщине и доминантное положение мужчины в семье и обществе. Да, и взгляды западных путешественников были еще далеки от вопросов гендерного равенства, значение которого только

актуализировалось в некоторых западных странах. К примеру, во второй половине XIX века в Англии и Америке предпринимались робкие попытки пресечения насилия в семье законодательными мерами

В кочевых обществах разделение труда было сравнительно неразвитым. Подвижный образ жизни, включавший не только перекочевки, но и социальные явления, как войны, распри, набеги, вынуждали женщину нередко брать на себя значительную часть обязанностей кочевой экономики: регулирование и управление скотом во время кочевки, окот и стрижку овец, и т.д., причем параллельно с реализацией репродуктивной функции, воспитывать детей, ухаживать за ними, выполнять различные виды домашнего труда, не дающие прибавочного продукта. Более того, участвуя и оказывая помощь в общественных мероприятиях: тоях, поминках она являлась своего рода источником поддержания и развития внутрисемейных и внесемейных родоплеменных коммуникаций. Во время отсутствия и нередко во время присутствия мужчины она выполняла организационную и регулирующую функцию, возглавляя перекочевку семьи на пастбище. Ее незаменимость в хозяйстве, была настолько очевидна и велика, что в кыргызском фольклоре женщину нередко располагали на одной прямой с домашним скотом, мерилom собственности и богатства кыргызского мужчины. "Аял - малда, бала - белде" - "Жена - в скоте, дети - в тебе", "Койго - бычак, кызга - кучак" - "Для овцы - нож, для девушки - объятия". Т.е., в контексте взглядов современных исследователей Т.Парсонса и С.Бэйлза можно сказать, что кыргызская женщина параллельно с собственной женской "экспрессивной" ролью, значение которой состояла в реализации моральной и эмоциональной ответственности перед семьей и обществом, частично, а иногда и полностью принимала на себя мужскую "инструментальную" роль, суть которой сводится в обеспечении пропитания и материального достатка семьи.

Но подразумевала ли реализация "инструментальной" функции ее права на собственность: скот и пастбище? Могла ли кыргызская женщина как производитель материальных благ владеть собственными, контролирующими и распределительными функциями? Наблюдения путешественников умалчивают об этом, равно как и кыргызский фольклор. Эти функции были прерогативой мужчины. Прямое и равное участие кыргызской женщины в производстве и воспроизводстве не подразумевало владения собственностью, а тем более ее отчуждения. Кыргызская женщина имела совещательный голос при выплате калыма, выкупа за невесту, но все же решающую роль играл мужчина. Другим источником амбивалентного положения кыргызской женщины в семье и обществе и вследствие этого фактора гендерного неравенства,

являлось особое воспитание девочек в семье. Известно, что для традиционного кыргызского общества, было характерно раннее замужество, обусловленное, как существующими общественными устоями, так и хозяйственной необходимостью. Семья мужа стремилась пораньше получить дополнительную рабочую силу, и потому, уже с детства девочке закладывали морально-психологические установки и физические основы для того, чтобы стать хорошей хозяйкой, заботливой матерью и женой. В ней воспитывали, что замужество это суровые трудодни: уход за детьми и скотом. В то же самое время, дочь - это товар, который может дорогого стоить. "Кыз-конок" - "Девушка - гость" до сих пор эту поговорку можно услышать среди кыргызского народа. При хорошем воспитании за нее можно было получить "калым"- выкуп, и увеличить размеры собственности, т.е., поголовье скота. Таким образом, система воспитания девочек закладывала двойственный поведенческий стандарт: свобода, независимость, сублимирующее женское "Я" в добрачной жизни, и табуирование ее поведения в условиях реализации послебрачных полорольевых функций.

Стереотип добродетельности. Путешественники отмечали добрый характер кыргызки, ее отзывчивость и доброжелательность. Замкнутая географическая среда: расположение пастбищ в высокогорье и межгорных долинах и их отдаленность от городских и сравнительно густонаселенных разноэтнических поселений, наличие собственной хозяйственной и духовной системы выживания и развития, закладывали характерные общенародные черты, как: доброжелательность и гостеприимность, неторопливость и размеренность, гармоничность и сбалансированность в отношении к природе, уважение и почитание живущих и умерших. Однако, ритм безмятежной жизни нарушался, когда появлялся чужой человек. Появление чужака нарушало привычные родоплеменные границы, изменяя представления кыргызов об окружающем мире. Безусловно, как и в любой другой культуре, он вызывал чувство: страха, осторожности и подозрения. Но в то же самое время, чужой человек воспринимался как источник информации и гость, нуждающийся в отдыхе после тяжелой дороги. Бережное и почетное отношение к нему проявлялось в том, что для гостя в юрте отводилось особое место "т?р", расположенное в центре напротив очага. Ценность гостя отражалась и в культуре питания кыргызов: самые почетные куски сваренной баранины: голову, крестцовую и тазовую кости преподносились гостям. И поэтому не удивительно, что кыргызская женщина радушно встречала путешественников, предоставляя кров и хлеб. В них она прежде всего видела гостя, а затем информатора, носителя иной культуры, языка и традиций.

Коммуникативный образ. Записки и наблюдения путешественников отражают определенную включенность кыргызской женщины в межэтнический диалог. Безусловно, общественное и семейное поведение женщины табуировалось адатом, которое предусматривало различные виды наказания. Ее коммуникативные качества зависели от ряда факторов: цель общения с чужаком, этническая и социальная принадлежность собеседника, обстоятельства и условия диалога. Так, казаха Чокана Валиханова кыргызы идентифицировали "своим", и даже родственником, в силу его принадлежности к родственному казахскому народу. Его охотно впускали в границы общественных и индивидуальных секретов. Так, И. Данмор оставил описание, когда несколько кыргызских женщин в районе Чакланг в долине Сары-кола выбежали навстречу экспедиторам и обменяли сахар, курут (шарики, приготовленные из кислого молока) на перламутровые пуговицы, которые экспедиторы отрывали от верхней одежды.

В целом, в гендерном портрете кыргызки, составленном на основе анализа сведений западных путешественников XIX-начала XX веков, отражаются особенности ее экономического, социально-политического и правового положения в традиционном кыргызском обществе. Открытость лица, повседневное и посильное участие в экономической и социальной практике семьи и рода, слабое влияние мусульманской религии на семейно-брачную сферу спровоцировало стереотип о равноправном статусе и независимом положении кыргызской женщины в обществе и семье. Однако, женщина, обладая равным статусом в создании материальных благ и ценностей, все же не обладала фактическим правом собственности на скот и землю, и подвергалась социальному и семейному насилию. Она, как и женщины, оседло-земледельческих районов Центральной Азии, была подчинена мужскому началу и авторитету.

Литература:

1. Lansdell H. Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv.-N-Y: Adamant.-Vol.2.-P.302, 306.
2. Huntington E. The Pulse of Central Asia.-Boston & New York: Houghton, 1907/-P.146.
3. Gordon T.E. The Roof of the World. Bring The Narrative Journey over the High Plateau of Tibet to the Russian Frontier and the Oxus Sources on Pamir.-New Delhi,1994.-P. 32.
4. Xantington E. The Pulse of Asia .-P.133.
5. Ibid.-P.126-127.
6. Dunmore E.The Pamirs a Narrative of Year's Expedition on Horseback and on Foot Through Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary, and Russian Central Asia.-2 Vols.-London:Murray, 1893.-Vol.2.-P.118.
7. Тугельбаева Б. Международный опыт продвижения законодательства по предотвращению насилия в семье // Государственность и религия в духовном наследии Кыргызстана / ред. В. Плоских.-Бишкек-Лейпциг:Илим,2003.-С. 79.
8. Хазанов А. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Кочевая альтернатива социальной революции. Москва: ПМЛ Института Африки РАН,2002.-С.39.
9. См.: Валиханов Ч.Ч. Записки о киргизах / Соч.в. 5-ти т.-Алма-Ата, 1985.-Т.2.-С.30., Тысяча кыргызских пословиц и поговорок из собрания академика К.К. Юдахина / Сост.Д.Т. Давлетбакова.Бишкек: Переплетчик,2000.-С.63,19.
10. Parsons T.,Bales S. R. Family, Socialization and Interaction Process.-New York: The Free University Press,1955.
11. Dunmore E.The Pamirs.-Vol.2.-P. 9, 118, Валиханов Ч.Ч.Записки о киргизах.-Т.2.-С.74.
12. Фиельструп М. Из обрядовой жизни киргизов.-Москва: Наука, 2002.
13. Перламутровые бусы и пуговицы, имели большую ценность, как элемент украшения. Dunmore E.The Pamirs.-Vol.2.-P.9,118.